
КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

**Блокада глазами очевидцев: Дневники и воспоминания: Книга одиннадцатая /
Сост. С. Е. Глезеров. СПб.: Остров, 2024. — 228 с.: ил.**

Сборники воспоминаний и дневников «Блокада глазами очевидцев» выходят с 2012 года. Сегодня, когда блокада постепенно переходит из живой памяти в историю, появление каждого нового свидетельства о ней добавляет новые штрихи к облику жителей осажденного, но непокоренного города, помогает осмыслить подвиг и трагедию ленинградцев, блокаду Ленинграда, память о которой живет в подсознании потомков и подспудно передается из поколения в поколение. В одиннадцатую книгу серии вошли дневники, письма, воспоминания тех, кто мог рассчитывать только на себя и своих родных: блокада глазами простых людей. Большинство из опубликованных материалов долгие годы хранились в семейных архивах и не были знакомы широкой публике. А открывает книгу интервью, которое составитель сборника С. Глезеров взял у легендарной теннисистки Натальи Ветошниковой, мастера спорта СССР, отмечавшей в сентябре 2021 года свой столетний юбилей. В блокаду умерли ее отец, брат и две сестры матери, бабушка. Из большой семьи остались она сама, ее мама и сестра. По ее словам, ей пережить блокаду помогли мечта выиграть первенство Союза и спортивная

подготовка. Первый блок книги — это непосредственные свидетельства блокадного времени: дневники и письма. В. Беспалов еще школьником в самом начале войны добровольцем вступил в Красную армию и почти сразу же был серьезно ранен — рука утратила подвижность. В октябре 1941 года, когда его выписали из госпиталя, начал вести записи. Его записки не столько «дневниковая хроника», сколько размышления о жизни и анализ сложившейся ситуации и поведения окружающих людей. Порой его записи предельно критичны и нелицеприятны: «Война наложила свой отпечаток на все. Голод, пришедший с войной, сделал людей крайними эгоистами, и было бы смешно порицать их за это. Никакой мягкотелости проявлять сейчас нельзя, не позаботишься о себе — сдохнешь, как собака. Люди теперь жестоки: действует инстинкт самосохранения. Каждая семья питается тайком, в народе скулят о голоде. Ничего съестного никому не показывают». С юношеской категоричностью и максимализмом оценивал он сложившуюся ситуацию, направляя свой гнев в первую очередь на «паразитов ленинградского населения»: снабженцев, начальство, бюстителей порядка — всех, кто имел отношение к продовольствию. Его мать работала в райкоме партии Октябрьского района, а он позволял себе резкие, «идеологически опасные» высказывания. «Я верил в наше руководство, теперь я убедился, что здесь в Ленинграде засели бездушные скоты, для которых люди — всего лишь экономическая статья. Я верю нашему делу, верю в его правоту и победу, но голод вызывает даже идеологические колебания: ведь, если ты видишь, что на фоне страшного голода живут и благоденствуют „чины“ — обжираются, как свиньи, невольно возникает вопрос: где же наши принципы?» У него немало метких и даже актуальных и для нашего времени высказываний. Так, рассуждая о немецких листовках, сброшенных на город, он пишет: «Вообще, резкий контраст между словами и обещаниями у гитлеровцев и их дела в Ленинграде привел к резкому озлоблению населения к немцам. <...> Речи о том, что война идет с немецким фашизмом, а не с народом, теперь отпали. Шла речь о тотальной войне со всем немецким. Ненависть к немцам — вот чего добились идиоты из Берлина, пренебрегая советами Бисмарка». Он вернулся после ранения в школу, в выпускной класс и в деталях живописал в дневнике школьные будни, где главной радостью были скудные обеды. Усиленно занимался, много читал, тяжело переносил голод, постоянно беспокоился за мать и младшего брата. И старался выжить. «Урок, который я вынес из этой передраги, состоит в том, что ни при каких обстоятельствах не надо терять надежды, вешать нос и впадать в пессимизм. Это верный путь к гибели. Надо бороться, драться за свою жизнь, а не лежать на печи и скулить о трудностях». Клавдии Зуевой, чей дневник тоже опубликован на страницах сборника, было 25 лет, когда началась война. Она работала на заводе «Штамп-Метиз», 5 августа 1941 года как комсомолка была отправлена на строительство противотанковых сооружений под Кингисепп. С этого дня начинаются ее подробнейшие дневниковые записи. Оборонные работы, тяжелая контузия, возвращение в Ленинград, увольнение контуженной девушки за «прогулы», голод, холод, обстрелы, поиски работы. Страшнейшее переживание — смерть матери. Клавдия скрупулезно описывает свой блокадный рацион и всевозможные «блокадные рецепты». В мае 1942 года ее зачислили красноармейцем в саперную роту 345-го отдельного городского батальона МВПО. 9 мая 1942 года она записывает: «Мне было очень радостно на душе. Я получила повестку в военкомат на комиссию для прохождения службы защиты родины». Демобилизована из армии 19 августа 1945 года: «Вот так я закончила службу. Я осталась жива и здорова, но нет около меня дорогой любимой мамы, и никогда она не придет ко мне и не приласкает, не приголубит». А дальше идут письма. Е. Другова предоставила для публикации письма своей бабушки (1926—2008) на фронт ее отцу и его письма дочери в Ленинград. Опубликовано

вана семейная переписка Лобановых военных лет, в том числе письма жительницы Большой Ижоры Е. Лобановой сестрам в Ленинград и на Большую землю с Ораниенбаумского пятачка. Второй блок сборника — воспоминания. Фронтовик, защитник Ленинграда Н. Елисеев озаглавил свои заметки 1986 года так — «Самый счастливый человек на планете Земля». «Прошел три войны. 1939–1940 с белофиннами, 1941–1945 г. с фашистами, 1945 г. — японскими самураями. И остался жив. Разве это не счастье, пройдя пять лет фронтовых дорог, остаться живым?» Б. Нериновский пережил блокаду ребенком: когда началась война, ему было шесть лет. Л. Амирханов рассказывает историю своей семьи и отца, воевавшего на Ленинградском фронте. «Зачем вообще публиковать дневники и материалы, связанные с блокадой? Кому это интересно, кроме исследователей, специально, занимающихся вопросами блокады и битвы за Ленинград? Что для нас, современных людей XXI века, значит блокада Ленинграда, со времени окончания которой прошло уже больше восьми десятков лет! — вопрошает С. Глезеров, и сам отвечает: — Наверное, это прежде всего уроки — моральные, нравственные, этические».

Кронштадт в блокаде. 1941–1944 годы. Летопись подвига в воспоминаниях и документах. СПб.: Остров, 2024. — 194 с.: ил.

Военно-морская крепость Кронштадт, основанная Петром I на острове Котлин, надежно защищала Петербурга с моря. За три столетия ни одна вражеская попытка прорваться по этому пути к Северной столице так и не удалась. Не случайно Кронштадт — единственный из малых городов СССР, упомянутый в плане «Барбаросса». Перед мощнейшей группировкой немецких войск «Север» ставилась главная задача: «...уничтожить советские войска в Прибалтике и захватить Ленинград и Кронштадт, Только после захвата этих объектов наступление должно быть направлено на Москву...» И с первых же дней войны вражеская авиация и артиллерия нацелились на остров Котлин. Уже в начале четвертого утра 22 июня 1941 года Кронштадт атаковали двенадцать «юнкерсов» — и в 3 часа 15 минут зенитчики крепости и флота открыли огонь по вражеским самолетам. Были сбиты два первых самолета противника. Но это была только разведка. Уничтожить Кронштадт и его основные корабельные силы немецкое командование попыталось в сентябре 1941 года. Особенно тяжелые бомбардировки пришлось на 21, 22 и 23 сентября. Как и ленинградцы, жители Кронштадта испытывали все тяготы и лишения того времени: артобстрелы, бомбежки, голод и холод, гибель родных и близких, друзей и боевых товарищей. С первых дней войны начались оборонительные работы: строились доты, дзоты, блиндированные пулеметные точки, заграждения. Пять тысяч кронштадтцев ушло в народное ополчение, в книге перечислены имена многих из тех, кто пошел добровольцем в отряды, среди первых ополченцев были комсомольцы Морского завода. Места ушедших на фронт мужчин у станков занимали женщины и подростки. Под бомбами и снарядами кронштадтцы готовили к навигациям корабли флота, кронштадтские торпедные катера ставили мины на коммуникациях противника, атаковали вражеские корабли. Разведывательно-диверсионные группы регулярно проникали в тыл немцев и финнов на обоих берегах залива, вели разведку, производили диверсии, часто корректировали огонь артиллерии. Зимой переходили в тыл противника по льду, летом — на моторных баркасах. В сборник вошли воспоминания, фотографии, документы из фондов Музея истории Кронштадта, а также материалы из книг о блокаде, ставших библиографическими редкостями. Материалы в сборнике размещены по хронологии с сохранением орфографии оригиналов. Фактически в сборнике представлена подробная хроника военной

и гражданской жизни блокадного Кронштадта. Уже 18 июля 1941 года в Кронштадте была введена карточная система, и до 25 декабря 1941 года хлебный паек сокращался пять раз и достиг 250 грамм рабочим и до 125 грамм служащим, иждивенцам и детям. 31 августа вражеские корабли вошли в зону досягаемости орудий Кронштадтской крепости, и артиллерия Кронштадта помогла частям 23-й армии остановить войска противника на рубеже старой границы с Финляндией. К концу осени 1941 года кончилось топливо, из-за повреждений остановилась единственная в городе электростанция. В книге представлены малоизвестные факты. Это и судьба петергофского десанта, высаженного в ночь на 5 октября 1941 года на берег в районе Нового Петергофа. И история Малой дороги жизни — сети дорог, связавших в блокаду Кронштадт, Лисий Нос, Ораниенбаум, острова в Финском заливе. Зимой передвигались по льду, а после таяния льда — по воде. Название «Малая дорога жизни» появилось только после войны по аналогии с названием ладожской трассы. Во время войны использовались различные формальные названия, в том числе «ледовая дорога». Среди малоизвестных фактов и круглосуточная работа наблюдательного поста, расположенного под куполом Морского собора, ставшего естественной целью для фашистов. Большой осколок одного из разорвавшихся под куполом, предположительно 210-миллиметрового, снаряда упал вниз, оставив выбоину в полу. При реставрации собора выбоину оставили как напоминание о прошлом. Кронштадт сыграл огромнейшую роль и в обороне Ленинграда, и в разгроме немецко-фашистских войск под Ленинградом. Враг так и не решился вывести войска на лед, чтобы попытаться захватить остров Котлин и форты или нанести фланговый удар по Ораниенбаумскому плацдарму. Орудия Кронштадта и кораблей флота обеспечили снятие блокады Ленинграда в январе 1944 года и наступление советских войск на Карельском перешейке в июне. После полного снятия блокады Кронштадт оставался базой для основных сил Краснознаменного Балтийского флота, ведших бои в 1944 году в Выборгском и Нарвском заливах, стал основой воссоздания системы базирования флота в Прибалтике и на побережье Южной Балтики. Сухую хронику событий дополняют подробные воспоминания участников событий. Среди тех, кто оставил яркие и горестные воспоминания, рабочая Морского завода А. Михайлова, секретарь Кронштадтского райкома партии И. Снетков, заместитель начальника артиллерии крепости Кронштадт майор Н. Скородумов, медсестра Е. Басс, командир зенитной батареи линкора «Март» капитан I ранга Г. Посталатий, летчик-истребитель Н. Губанов, водитель-механик Н. Арбузов, радиотехник Ю. Перкон. У каждого из них свой опыт, свой взгляд на пережитое. Рабочий Морского завода А. Пронин в своем дневнике подробно фиксировал, сколько и чего он съедал в день. Медсестра Т. Корзинкина вспоминала, как ходили с девушками по квартирам, искали мертвых и живых и как удалось вернуть к жизни женщину лет сорока. С воспоминаниями Т. Корзинкиной перекликаются воспоминания Г. Вишневской, ставшей великой оперной певицей, для которой самым страшным в памяти остались многочисленные трупы на улицах города в зиму 1941–1942 годов. «Но вот пришла весна 1942 года, и стали ходить по квартирам искать уже тех, кто остался в живых. Такая комиссия из трех человек пришла и ко мне. — Эй, кто живой? — Слышу в коридоре кричат, а я дремлю, и отвечать неохота. — Смотри, девчонка здесь! Ты живая? — Открыла глаза — три женщины возле дивана моего. — Живая... — А с кем ты здесь? — Одна... — Одна?! Что же ты здесь делаешь? — Живу... Если бы они тогда не пришли — был бы мне конец». В книге так же широко представлены выдержки из газеты «Рабочий Кронштадт». В ней регулярно печатали сообщения о наказаниях за хищение продуктов питания, освещали актуальные для города вопросы: улучшение работы парикмахерских, открытие пра-

чечной, улучшение питания в школьных столовых, диетическое питание для детей, бесплатные киносеансы для детей, проведение общегородского воскресника, месячника по заготовке дров. Обращение к самым разным сферам жизни дает панорамную картину того, как воевали, защищая Кронштадт и Ленинград, как выживали в блокадных условиях, как спасали жизни раненых жители Кронштадта. Военные, гражданские, женщины, дети. В тылу и на фронте.

Ольга Родштейн. Дневник прилавка. 1940–1941. Блокада. 1941–1943.

СПб.: Аврора, 2023. — 160 с.: ил. — (Серия «Общая тетрадь»).

Записки продавщицы ленинградского Дома книги охватывают период с ноября 1940-го по май 1943 года. Об авторе известно немного. Ольга Николаевна Родштейн родилась в 1905 году. Из текста следует, что ее муж был расстрелян в 1938 году, брат в 1934-м, тетки и бабки находились за границей. Ей, родственнице репрессированных, переводчице с немецкого и английского языков, найти соответствующее ее квалификации место было непросто, а на руках оставались дочь-школьница и мать. Работа в отделе иностранной литературы большого книжного магазина являлась вполне приемлемой. Текст поделен на две части. Первая — «Дневник прилавка» — зарисовки о Доме книги начала 1940-х годов. Забавные сценки, курьезные вопросы: кому-то нужна «Илладская гомера», кому-то «Манеры Турции» (вместо «Монеты Турции»), кто-то ищет книгу белорусского писателя Бокача «Демерон». «Кудашев выпустил книгу „Куликово поле“. Публика схватилась за нее. — Про Дмитрия Донского? Ах, колхоз! Не надо». В первые недели войны, пока работал еще книжный магазин, повысился спрос на словари: немецкий, финский, турецкий: «Вот придется воевать, так надо знать язык». О. Родштейн создает внушительную галерею ярких портретов постоянных посетителей Дома книги: нищая библиотечарша с тонким и злым лицом, что на свои деньги покупала редкие книги для библиотеки художественной школы; импозантный 75-летний старец, бывший солист Императорских театров; высокомерный красавец актер Тенин; две страстные балетоманки, выяснявшие размеры премии Улановой; пронырливая и веселая прекрасная гречанка — ответственный редактор Партиздата. Галерея портретов тех, кто прошел через экономические потрясения 1918, 1922, 1936–1940 годов и сгинул в блокадном кольце. «Чтецы, артисты, литераторы, критики... Непрерывная толпа образованных, отмеченных талантом людей...» О. Родштейн пишет о военных буднях начала войны, о несмолкаемых канонадах, обрушившихся домах, грудах мусора. Рассказывает о новых правилах жизни: «...заколотите окна досками. Сожгите электричества только на пять рублей в день... Получите пол-литра керосина на десять дней...», называет характерные приметы времени, среди которых и раскопки обрушившихся зданий — «весьма доходное дело: на что туловищу с оторванной головой отрез на пальто или золотые часы на руку, которая неизвестно где?» Среди примет времени и спекуляция, и шпиономания. «Какой-то гражданин спрятал ложку в карман. Его схватили. Почему? Да потому, что диверсант. Зачем советскому человеку, прописанному на жилплощади, простая алюминиевая ложка?.. И вдруг... Старушку, древнюю, хромую, взяли под руки, чтобы помочь перейти улицу. Бока старушки оказались жесткими и выпуклыми: под пальто у нее были гранаты и бомбы, а вместо старушки выпрямился юноша 20 лет...» А Дом книги, дом с глобусом, готовился к закрытию, и книги сносили в специальные герметические подвалы. «Свет потолочных люстр не играет на отполированных прилавках: они завалены связками книг. Люди идут и идут с рюкзаками, с тюками.. Война, крушение библиотек. Сбывают все... На прилав-

как валяются редчайшие издания». Редкостные картинки: Дом с глобусом — живой и умирающий. Родштейн предложено уволиться «по собственному», и ей пришлось пуститься в длительные и трудные поиски другого места работы, чтобы получить заветную рабочую карточку вместо иждивенческой. Вторая часть дневника (1941—1943) продолжается записями, объединенными под заголовком «Блокада». Страшная история выживания. Дома две старухи — мать и перебравшаяся к ним свекровь. Дочь О. Родштейн смогла за взятку — лучшую вазу баккара — пристроить работать в хлебную лавку. За золото и ковры удается выменивать редкие продукты у татарина-шофера: килограмм арабского шоколада, банку сгущенного молока, килограмм пшена, а потом за пшено он попросил ее дочь, — обмен был сразу прекращен. Несмотря на все попытки, спасти мать и свекровь не удалось — обе умерли почти одновременно. «Мне совсем не тяжело. Я только очень высохла, ссохлась. Но я двигаюсь и думаю, слушаю, гляжу. Еще я вспоминаю. Но память удерживает лишь то, что находится перед глазами». А перед глазами дорога в морг и труп матери на куске фанеры; люди в ватниках с крючьями, что растаскивают смерзшиеся тела, а те ломаются, как спички; улыбающиеся трупы; блокадная баня. И работа на санпосту, когда приходилось вытаскивать из-под развалин пострадавших, а в минуты затишья читать вслух Чехова или Евангелие. Многоговорящие рассказы серий «картинок жизни»: «Джунгли», «Муки человеческие», «Невыносимое одиночество», немислимые истории из серии «Гротеск». Тут и человек в милицейской форме, переодетый мародер, попытавшийся отнять у Ольги кусок хлеба. И встреча с завмагом, который ищет, кого бы подкормить. И забредший в квартиру псковский партизан, отпущенный на неделю в Ленинград навестить родных и нашедший только обгоревшую печную трубу в родном доме в Парголово. Она все время работала: массажистом в лазарете, помбухом на консервном складе; репортером в Радиокomitee, где готовили передачи, спали, умирали от голода. И где по коридорам ходила в красной пижаме О. Берггольц. «Всю жизнь ненавидела пафос. Вдруг кого-то и в самом деле поддержат речи Вишневого, стихи Берггольц, Веры Инбер? Даже если шумит смертный водопад в ушах, и ты обнял фонарный столб и ползешь вниз к земле, чтобы уже более не встать и сдаться, даже и тогда хорошо слышать: „Дорогие ленинградцы! Братья и сестры...“» В мае 1943 года О. Родштейн перешла работать в Публичную библиотеку: ездила по вымороченным квартирам за оставшимися там книгами. Заключительная фраза в мемуарах: «Глядим вперед, ждем победы. Да здравствует жизнь!» Что дальше случилось с автором, неизвестно, но отправить в эвакуацию дочку ей удалось. У. О. Родштейн емкий и образный литературный язык, что и неудивительно для человека, который любил поэзию, в оригинале читал Шекспира и Верлена. Изначальная последовательность текстов утрачена, и в книге они сгруппированы примерно по описываемому в них времени. В итоге получился несколько сбивчивый, перемежающийся вставками воспоминаний и рассуждений текст, интересный деталями и качественным художественно. Эти записки попали к Д. Гранину, когда он работал над «Блокадной книгой», и ныне рукопись хранится в ЦГАЛИ СПб в личном фонде писателя. Полностью публикуются впервые. Текст еще ждет своего исследователя, грамотных комментариев, ведь даже настоящие имена в нем заменены — требование того времени.

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

Редакция благодарит издательства за предоставленные книги